

ПРАКТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

А.Ю. Карпухин

СЕВЕРНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОСЕЛОК СЕГОДНЯ

В своем исследовании я хотел бы представить «национальный» поселок* как целостный объект социально-антропологического исследования современной жизни коренных малочисленных народов Севера России.

Анализ этнографической литературы показал, что, несмотря на обилие работ, опубликованных с начала 90-х гг. 20в. и посвященных трансформационным процессам северных этносов, в этнографии уделялось мало внимания описанию и оценке экономического уклада¹ и особенностей смешанной экономики национальных сел². Исследовались только отдельные системы традиционного жизнеобеспечения разных народов, но характер экономических взаимоотношений в национальном поселке не подвергался детальному анализу.

Также недостаточно внимания уделялось анализу социальной политики, проводимой по отношению к коренным народам, направленности этой политики и связанным с нею социально-экономическим практикам (методам) «выживания» жителей национальных сел. Анализ складывающихся в рамках этих административно-территориальных образований моделей социального партнерства актуален сегодня как для российской науки, так и для прогнозирования возможностей его развития в дальнейшем.

Настоящее исследование акцентировано на проблемах административно-территориального урегулирования земельных отношений в национальном селе, смешанной экономики поселка и особенностях спонтанно возникающих в его рамках моделей социального партнерства. На данном этапе полученные данные³ позволяют поднять и осветить проблемы административного и традиционного регулирования земельных отношений возникающих при использовании охотничьих угодий и охарактеризовать экономику национального села.

Кроме того, в условиях растущей политической и, главным образом, социальной активности коренных малочисленных народов, задачей данной работы явилось выявление и озвучивание собственных представлений и отношения жителей к вышеперечисленным проблемам и методам их решения.

* Национальный поселок – сложившееся и употребляющееся название по отношению к сельским населенным пунктам, где представители коренных малочисленных народов составляют большинство населения.

Национальный поселок – результат административно-территориальных преобразований советского времени. Для того чтобы понять специфику этого территориального образования и оформления социальных отношений в его рамках, нужно взглянуть на административно-территориальное регулирование в Российской Империи и в Советском государстве в сравнительной перспективе.

Такое сравнение показывает, что административное деление территорий советской поры, несомненно, носило черты преемственности землеустройства царского времени. Само по себе оно следовало сложившимся ареалам и границам расселения и кочевания коренного населения. Оно в значительной мере отвечало определенным географическим детерминантам жизни людей на северных землях.

Но есть и кардинальное отличие досоветской и советской форм землеустройства в Сибири. Территориальное регулирование царского времени можно сравнить с наложением и перемещением «административной линейки» по географической и демографической карте. Век за веком происходила смена названий уездов и волостей, корректировались их территориальные границы. Но все эти изменения носили характер внешнего оформления развивающихся по собственным законам хозяйственных укладов и региональных экономик. Административные реформы не перекраивали, но частично следовали и утверждали неизбежные исторические трансформации практик землепользования и, как следствие, специфических институтов собственности.

В бассейн реки Турухана селькупы пришли в 17 веке⁴. Их втягивание в товарные отношения было связано с поморским (северным) путем в Среднюю (Центральную) Сибирь на Енисей. На этом пути были основаны торговые центры: сначала Старая Мангазея на р.Таз и Туруханское Зимовье (зимовье «у Николы на Турухане» - в устье р.Турухана). Более удобное местоположение зимовья притягивало людей. Начиная с 17 в. здесь постоянно существует поселение. Новая Мангазея после гибели Старой перенесена на место Туруханского Зимовья, впоследствии переименована в Туруханск и, наконец, ныне поселок Старо-Туруханск. Нынешний Туруханск основан на месте села Монастырское. Эти центры были точками притяжения экономических устремлений жителей стойбищ, находившихся, в том числе, и в районе современного поселка Фарково.

«В конце 17 в. было проведено новое административное деление. В состав Тымской волости вошли территории верховьев рек Ваха и Таза. Появилась Тымская волость Тазовской стороны. Селькупы поселились рядом с энцами в верховьях рек. Пришедшие позже ненцы расселились в низовьях Таза»⁵.

«В 18 в., после работы Первой ясачной комиссии в Западной и Средней Сибири, вновь произошли значительные административно-территориальные преобразования. Изменились границы уездов и волостей»⁶.

«Население Тымской и Караконской волостей к этому времени продвинулось еще дальше на север, на средний Таз, и на восток, на Турухан». Тымская, Караконская и Ларьятская волости были переданы в ведение Мангазейского уезда. «На Тазу, на территории расселения тундровых энцев и ненцев была создана Тазовская юратская волость, а на землях туруханских (баишенских) селькупов и энцев по реке Турухан и его притокам — Верхней и Нижней Баихе — Баишенская волость»⁷.

В 1822 г. согласно Устава об управлении инородцев, Мангазейский уезд был преобразован в Туруханский край и включен в состав вновь созданной Енисейской губернии. В это время усиливается роль торговых центров — ярмарок — в жизни коренного населения края, а также роль церковного управления рядом земель (ежегодные исповедные росписи, перепись крещеных в церковных приходах). Все эти меры способствовали этнической стабилизации населения региона⁸.

Взаимное этнокультурное влияние двух групп северных селькупов — тазовских и баишенских — по мнению исследователей, традиционно было невелико⁹. Ареалы расселения верхне- и среднетазовских селькупов были отделены один от другого широкой полосой болотистых тундр, непригодных для освоения. По той же причине баишенские селькупы были отделены от тазовских. Территориальная граница между ними проходила по водоразделу рек Таз и Турухан. Поэтому экономическая и социальная жизнь этих сообществ протекала довольно обособленно.

По отношению к дореволюционному времени не утихают споры о характере традиционного производства и собственности у коренных народов. Общинная собственность на уголья или товарные земельные отношения? Каковы формы и субъекты пользования землей? Эти вопросы относятся к общей для социальной антропологии проблеме собственности в традиционных обществах. Исходной точкой дискуссий по этому вопросу до сих пор является дихотомия частного и коллективного владения и пользования землей. Для того, чтобы снять это противопоставление, антропология идет традиционным для этой дисциплины путем рассмотрения собственности, как определенного поля социальной реальности (— как особого института традиционных обществ). Такая форма анализа — в рамках составляющих особого социального института — применима до тех пор, пока можно говорить о «традиционности» хозяйственных отношений или их эволюционных изменениях в течение длительного времени в достаточно замкнутых социумах. Но когда происходит резкая, политическим путем навязанная смена отношений собственности (как это про-

изошло в России при Советской власти), то неизбежно приходится выходить за рамки «традиционного института» в характеристике локальной специфики социально-экономического уклада.

Административно-территориальное деление Сибири при Советской власти сочеталось с поэтапным, но форсированным переходом к коллективной собственности на землю. В этом процессе сложившиеся формы землепользования, разумеется, сказывались на отраслевой структуре различных коллективных хозяйств. Оленеводческие артели или колхозы отличались от охотничьих и рыболовецких по способам распределения земли. Но сами формы коллективной собственности были заданы жестко — артели, колхозы, совхозы — и подкреплялись строго централизованной административной системой управления.

В середине 1920-х годов в Туруханском районе Красноярского края, как и по всему Северу, были созданы органы самоуправления коренного населения – Кочевые советы. В Баишенский кочевой совет входили пос. Фарково и Янов-Стан¹⁰. В дальнейшем в поселках были образованы сельсоветы. В годы укрупнений селений пос. Янов-Стан был ликвидирован.

В 1944 г. территории, расположенные в бассейне реки Таз, были переданы из Красноярского Края в ведение Ямало-Ненецкого национального округа. Был образован Красноселькупский район с центром в Красноселькупске.

На территориях, относящихся к пос. Фарково в 30-е гг. организовывались ППО – простейшие производственные объединения, в 40-е гг. – сельскохозяйственная артель и, наконец, с середины 40-х гг. до 1967 г. существовал колхоз им. Смидовича.

В 1964 г. колхозы Туруханского района были преобразованы в два госпромхоза – «Южно-Туруханский», занявший территории в бассейне р. Елогуя, (и сопредельного Енисея) и «Северо-Туруханский», которому, в частности, относились территории по рр. Турухану и обеим Баихам. В 80-х гг. «Северо-Туруханский» госпромхоз преобразовали в совхоз «Тунгусский».

Один из традиционных вопросов из разряда «курицы и яйца» в этнографии Сибири советского времени: что чему предшествовало – новое территориальное размежевание и административное устройство – коллективизации или наоборот? Коллективизация была одновременно целью административных реформ и средством административно-политического утверждения новой власти. Национальный поселок закономерно стал средоточием новых властных и социальных отношений.

В первую очередь поселок стал именно «местом власти». Социальные связи в национальном поселке изменили всю социальную структуру коренных сообществ. Однако, парадокс заключается в том, что земельные отношения в итоге все равно оказались как бы

исключены из круга вопросов регулируемых в рамках поселка, несмотря на то, что в нем сосуществовали и административная власть — сельский совет, и управление коллективным хозяйством — правление колхоза, совхоза и т.д.

Это особенно важно для нашей темы, при рассмотрении вопросов земельных отношений между охотниками на охотничьих угодьях. Поскольку охотники были отнесены к промышленным рабочим — пролетариату, охота как отрасль, была исключена из традиционных промыслов как государством, так и исследователями. Этнографы уделяли много внимания анализу традиционной культуры охотников и мало обращалась к анализу новых отношений собственности и права у охотников.

Традиционное регулирование отношений на охотничьих угодьях сохранялось и в советский период. Изменения районного (административного) и регионального (территориального) подчинения сельских администраций и даже процесс укрупнений поселков не всегда препятствовали тому, чтобы люди охотились на своей земле. Пока охотничьи угодья не изымались для государственных нужд (для промышленного освоения или устройства заповедника) в социальном регулировании пользования ими мало что менялось. Административный контроль осуществлялся путем установления новых норм и правил охоты и через доступ к транспортной системе. Проблем передвижения и пользования средствами связи при советской власти не было. Негативные последствия такой патерналистской формы устройства и контроля сказались лишь в постсоветское время. Сезонные ограничения охоты привели сейчас к безработице. А развал транспортной системы и социальной инфраструктуры — к изменениям в отношении к земле.

Смена политической власти в стране на рубеже 90-х гг. 20 в. привела не только к отказу от патерналистской политики, но и разрушила стабильные, логичные и четкие правовые рамки советского времени в отношении земельной собственности, не предложив ничего взамен. Процесс усугубляется быстрой сменой формальных хозяев земли: непрерывным переформированием министерств и ведомств, сосуществованием крупных государственных собственников — лесхозов, совхозов — и постоянно возникающих и исчезающих предприятий мелких форм собственности — фермерских, родовых, общинных хозяйств. В период Перестройки (в нач. 90-х гг.) фарковское отделение совхоза «Тунгусский» было акционировано в ТОО «Фарково»¹¹; Одновременно было образовано 10 общинно- и семейно- родовых селькупских хозяйств, из которых сегодня действенны лишь четыре (ПМА, 2002.). Все эти факторы обусловили постепенные изменения в социальном регулировании земельных отношений, и, прежде всего, осознание того факта, что землю можно потерять. В поселке стало формироваться новое отношение к земле и новые формы соци-

ального партнерства, которые постепенно становятся объектом внимания социальных исследователей.

Охотничьи угодья и поселок

В советское время в поселке Фарково было 25-30 штатных охотников. Каждый охотник имел участок, рацию, капканы и нарезное оружие, которое ему выдавалось на сезон охоты. Совхоз обеспечивал ему заброску (завоз продуктов и хозяйственного оборудования на сезон) и вывоз его самого на участок и обратно в поселок. Обустройство участка – постройка избушек и прокладка «путика» – кольцевой тропы для регулярного обхода охотничьего участка — ложились на плечи самого охотника. Охотник также сам заботился о своих охотничьих собаках. Каждый должен был выполнить минимальный план по отстрелу и сдать всю продукцию (выделанные соболиные шкурки) государству в заготовительную контору. Вся продукция имела фиксированную цену. Например, шкурки соболя делились по качеству и стоимости на 7 категорий.

– Раньше, – рассказывают жители поселка – охотники, – было принято говорить о черном золоте, мягком золоте и обыкновенном металле – холодном золоте. Мягкое золото (пушнина) – если соболь хороший – равнялось по цене автомобиля. В один год Турдагин Иван Трофимович, знатный охотник, ныне покойный, за сезон набил 100 штук соболей. Так в газете писали, что он добыл железнодорожный состав зерна! А это 30 вагонов, 60 тонн – район можно накормить! (ПМА,).

Уравнивание сырьевого богатства страны, в том числе, Сибири, с золотым запасом и их взаимный пересчет были распространенными фигурами в политической риторике тех лет. Рентабельность традиционных отраслей хозяйства искусственно поддерживалась путем подмены реальной стоимости ценой дотированной продукции, а значимость вклада отраслевиков в плановое государственное хозяйство – риторической игрой с различными эквивалентами.

Никто другой, кроме штатного охотника, не мог заниматься профессиональной охотой и не мог пользоваться чужими охотничьими участками. Все остальные жители поселка считались любителями, могли охотиться только с гладкоствольным оружием в строго отведенные сроки на боровую дичь на свободных территориях или по договоренности.

Количество охотничьих участков было ограничено рамками землевладения совхоза. Контролировалось оно как охотинспекцией, так и управлением лесхоза, поэтому попасть в когорту профессиональных охотников было трудно.

Конфликтные ситуации вокруг охотничьих угодий, тем не менее, возникали всегда, хотя сегодня люди часто представляют советское время как Золотой Век.

Конфликт по поводу распределения угодий всегда носил правовой характер – в плоскости взаимоотношений и столкновения государственно-правового регулирования и регулирования повседневных взаимоотношений людей в сфере охотничьего землепользования по нормам обычного права.

– Мой дед здесь охотился, отец, дядя меня учил тоже здесь. Теперь я сам охочусь, а после меня сыновья, наверное, будут, а что им остается делать? И их сыновья, если землю сберегут (ПМА, 2001).

Нормы обычного права нарушаются или вступают в противоречие с законами в моменты кризисов. Самые различные ситуации могли стать причиной локального кризиса: от приезда нового охотника или образования нового колхоза до организации заповедника или отвода земли под промышленное освоение.

Протекционистская политика советского государства, направленная на коренные народы в целом, не всегда работала на индивидуальном уровне. Особенно часто она пробуксовывала на местах в тех случаях, когда «русские» (приезжие и старожилы) стремились работать в традиционных отраслях экономики и не уступали в них по «квалификации» аборигенам. Многие и нередко лучшие участки получали в пользование приезжие.

– Охотник – «хлебная» должность и туда шли как заработать, так и «уйти» от мира, (от давления советской машины) – это местная форма «поколения дворников и сторожей».

– Протекционизм был всегда! Другое дело, как он выполнялся в разных местах и в разное время (ПМА, 1999).

В период перестройки и дестабилизации экономического положения, возникновения безработицы, наступил новый кризис землепользования, который, в первую очередь, характеризуется резким сокращением доступа к земельным ресурсам – охотугодьям.

Все жители поселка оказались в одинаково бедственном положении. Штатных охотников сейчас нет, так как нет совхоза, но права на участки еще сохраняются: во-первых – в силу формального существования лесхоза, а, во-вторых – по тому же неписаному праву распределения угодий.

При этом регулирование доступа к угодьям исходит из множества источников. Например, те жители поселка, которые не имеют земли, охотятся на самых разных основаниях:

- по устному договору с родственниками, в качестве помощников;
- около поселка или на ничейной земле, если таковая есть;

– по разрешению официального владельца участка, не связанного родственными отношениями с «арендатором».

В поселке, среди части охотников-профессионалов, существует мнение о необходимости восстановления полосы ничейной земли вокруг поселка и предоставления ее любителям для охоты.

В денежном отношении такие формы договоров приобретают сложный характер. Владелец всей добытой продукции является формальный хозяин охотничьего участка. Пользователь получает фиксированную плату пушниной. При этом степень его неполноправия в распределении продукции зависит от многих факторов – степени родства, производственной емкости участка, сложившихся отношений с охотинспекцией и т.д.

Все эти нормы действуют одновременно в отношении доступа к ресурсам, которые становятся источником товарной продукции – пушнины и ценной рыбы. При этом дополнительно практически повсеместно практикуется охота и рыбная ловля для индивидуальных нужд – для пропитания. Решать проблему обеспечения семьи продуктами промысла гораздо легче в мелких поселках. В крупных же добавляются проблемы труднодоступности свободных участков: надо уходить довольно далеко, что требует дополнительных средств.

Вокруг Туруханска, конечно, охотников больше, чем зверья! Но это только вокруг Туруханска. У меня участок в 30 км отсюда (это еще близко). Туда ехать – бензин нужен, он стал дорогой, не приобретешь. (ПМА, 1999/2000.)

В советское время установилось определенное согласие между нормами обычного права и законодательными актами. Сейчас субъектов права на пользование угодьями стало много и государственное правовое регулирование хронически отстает во времени и не соответствует быстро меняющейся ситуации. Законодательные акценты в решении вопросов традиционного землепользования – территории традиционного землепользования, общинное землепользование, частное землепользование по типу фермерства – часто еще очень далеки от местных норм, имеющих смешанное происхождение: нормы обычного права плюс акты гражданского законодательства советского периода. Это – основной источник разнообразных конфликтов.

Если в советское время конфликты в основном протекали в рамках противопоставления «своего» (местного) и приезжего охотника, то теперь – в спорах «своих» (по поводу земли) и во взаимоотношениях индивидуального охотника с государством. Появилось осознание ценности земли в связи с опасностью ее утери.

С началом перестройки было декларировано пожизненное пользование с правом передачи по наследству промысловых угодий для представителей коренных народов, но родо-

Северный национальный поселок сегодня

вые хозяйства стали функционировать в рамках закона о фермерско-крестьянских хозяйствах, и, в ходе постоянных перерегистраций, сроки землепользования оказывались ограниченными и неопределенными. В связи с постоянной сменой разных постановлений, в частности, о сроке пользования выделяемым участком – жители поселка говорят:

– У нас большой вопрос по поводу организации охотугодий. Закроют ТОО «Фарково» и все! Все территории станут свободными, кроме родовых хозяйств. На сегодняшний день их четыре: «Россомашье», «Березка», «Гусиное» – мое, «Терлелен». У нас последний год действует краевая лицензия, а после — перерегистрация. А это же не работа. Почему то нас всех приравнивали к коммерсантам, предпринимателям.

– Сейчас ввели налог на землю 5руб. на 1 кв. км. У меня где-то 600 квадратов, а это 3000 рублей. Но ведь я не хозяин земли, а арендатор. У кого арендую? Кому платить? Интересно получается: арендую в лесхозе, а плачу в муниципалитет (ПМА, 2001).

Разрушение совхозной структуры повлекло за собой не только необходимость перераспределения охотничьих угодий, но и проблему отсутствия оружия у охотников. Несмотря на то, что ТОО «Фарково» является правопреемником совхоза, его руководство не имеет права по договоренности с милицией выезжать на места и выдавать разрешение на получение нарезного оружия, как прежде. Это тоже конфликт с государством, о котором лучше всего говорят сами жители поселка.

Помимо проблем с участками, для охотника основное затруднение сейчас – это оружие, вернее его отсутствие. Раньше в совхозе оно было ведомственным, и нам (штатным охотникам) каждый сезон выдавали лицензию на нарезное оружие. Никаких проблем не было. Мы, по-моему, дольше всех держались, у нас совхоз закрылся одним из последних. Оружие вроде и сейчас числится за нами, но его уже перевезли в Туруханск. Но мы не имеем права его назад получить, потому что нам нечем оплатить его хранение. Теперь это право аннулировали, и оружие надо покупать в частную собственность. Для того чтобы его получить, необходимо собрать очень много бумаг, основные – это фотографии и медицинские справки (ПМА, 2001).

При этом надо учесть, что медицинские справки можно получить только в районном центре – Туруханске, т.к. в поселке нет специалистов, есть только фельдшер (фельдшерский пункт). Такая же ситуация складывается при получении фотографий.

И, кроме того, их (справки и фотографии) надо с напорным доставить в УВД, не по почте, т.к. милиция на себя этой обязанности не берет. А это денег

стоит и отнимает много времени. Даже если поедешь в Туруханск – одного нет, другой в отпуск ушел, третий вообще неизвестно где... А еще надо решить, где жить в Туруханске (хорошо, если родственники есть) и на что. И, самое главное, надо добраться туда, а как? Здесь сообщения нормального нет: допустим, уедешь на неделю, а просидишь два месяца, т.к. okazji нет. А как же работа? Я не могу все бросить и уехать на два месяца (ПМА, 2001).

В каждом отдаленном поселке, где мне доводилось бывать, при встрече с охотниками мне неизменно задавался один и тот же вопрос: какой у меня фотоаппарат – не «Полароид» ли? И не могу ли я сразу им сделать фотографии на удостоверение или хотя бы прислать.

Еще одна проблема – это получение самого разрешения в милиции. Многие охотники в перерывах между работой злоупотребляют алкоголем. Раньше оружие хранилось в главной совхозной конторе, в сейфе, а сейчас – (если оно есть) круглый год находится на руках у охотника. Поэтому, под тем предлогом, что охотник не может контролировать свои действия, милиция не выдает ему разрешения. Несчастных случаев в обращении с оружием в поселках, конечно, хватает.

В добавление ко всему, чтобы получить разрешение, необходимо еще доказать, что тебе есть, где охотиться, и что ты можешь официально сбывать продукцию, например, соболя.

Каждый охотник должен самостоятельно обеспечивать себя не только оружием, но и капканами. Пока охотники обходятся старыми «запасами», но в недалеком будущем это может стать для них еще одной проблемой. По новым международным соглашениям, которые вступят в силу в ближайшие пять лет, можно будет использовать на охоте капканы только нового образца. Новые капканы будут принципиально отличаться от прежних. И если для охоты с целью самообеспечения продуктами промысла еще можно будет использовать старые, то для пушной охоты – нет, т.к. шкурки со следами старого капкана приниматься не будут. Данная ситуация связана с экспортом пушнины и возможными санкциями при невыполнении международного договора. По сообщению консультантов-разработчиков программы – предполагается централизованная бесплатная замена старых капканов на новые с помощью охотничьих обществ¹². Но как будет решаться вопрос в условиях, где таких обществ нет, а старая советская система сбыта продукции разрушена? Нет никакой гарантии, что новые капканы из бесплатных не превратятся в платные. Проблема оружия – это еще одна грань земельного конфликта. Она отражает противостояние индивида и государственной структуры сегодня.

Затянувшийся переход к отличным от советского времени формам собственности на землю особым образом влияет на жизнь аборигенных сообществ и грозит тяжелыми последствиями для их культур. Государство провозглашает особый статус малочисленных народов. В отношении земельных вопросов оно сегодня вновь все больше склоняется к традиционно-коллективистской идеологии землепользования: землей должны владеть общины коренных народов. Но ни в пользу индивидуальных (частных) владений, ни в пользу общинных (коллективных) не проводится никаких административных реформ, которые способствовали бы нормализации процедур получения и распределения земли, лицензирования каких-либо форм хозяйствования на ней, законного регулирования индивидуального доступа к земельным и животным ресурсам и т.п. Признание особого статуса коренных народов не влечет за собой направленной социально-экономической политики по отношению к ним. Оно лишь облегчает и оправдывает реализацию социальной политики гуманитарной помощи, политики без ответственности и без обязательств. Национальный поселок фокусирует в себе государственную стратегию гуманитарной помощи, а результатом ее является состояние его экономики.

Экономика национального поселка и гуманитарная помощь

В настоящей статье я не буду рассматривать все бюджетные и частные финансовые потоки в рамках поселка, а кратко охарактеризую лишь один из них, но очень важный для понимания характера экономического положения коренного населения в национальных селах, – гуманитарную помощь.

В настоящее время в Туруханском районе выполняется несколько программ гуманитарной помощи.

1. Целевая краевая программа помощи КМНС, рассчитанная на период 1999 – 2003 гг.

В рамках программы каждому представителю коренных народов, постоянно проживающих в Туруханском районе, выделяется ежемесячно помощь в денежном выражении — 300 рублей.

Помимо денежной выделяется безадресная материальная помощь в виде средств и оборудования для ведения традиционных промыслов. Так в 2000 г. были выделены: спецодежда, моторы для моторных лодок, 2 катера, несколько раций.

Помощь поступает из Красноярска в Туруханск (из края в район). На районном уровне, на «Круглом столе» в районной администрации было решено распределять ее пропорционально количеству коренного населения и его нуждам в «национальных» поселках. Фарково досталось 18% от выделенных средств. В работе Круглого стола вместе с представителями администрации формально принимали участие представители Ассоциаций

КМНС: главы отдельных поселковых ассоциаций и председатель районной Ассоциации. Распределением помощи внутри поселка занимаются общественные организации КМНС.

В результате одежда и лодочные моторы «Вихрь» были получены в каждом поселке, рации только в одном, а катер был оставлен для нужд администрации (его предполагалось использовать для заброски охотников на участки). При этом программа выполняется с задержками и не полностью.

2. Районная программа помощи КМНС. При прежнем губернаторе района она составляла 1% от районного бюджета. При действующем губернаторе¹³ примерно 200000 рублей в год (1-1,5%).

Средства по программе используются:

- на оплату проезда КМНС из поселков в районный центр для получения медицинской помощи и с другими целями;
- частично на оплату лечения;
- на оплату проезда студентов к месту учебы (в Новосибирск, Томск, Санкт-Петербург, Москву) и обратно, по возможности их же приезд домой на зимние каникулы;
- на покупку квартир в Туруханске и Бору населению, покидающему поселки.

На средства из программы также выходит ежемесячное приложение к газете «Маяк Севера» – «Слово народов Севера». Часть статей (приблизительно третья часть) печатается на национальных языках.

3. До 2000 г. активно предоставляли гуманитарную помощь протестантские миссионеры из скандинавских стран, в основном из Швеции – Шведская Миссия Христианского милосердия, Свидетели Иеговы и другие.

Миссионеры помогали продуктами питания, одеждой и медикаментами. В последние годы масштабы помощи значительно сократились, и основной упор в деятельности миссий был перенесен непосредственно на распространение религиозного учения. Но важно отметить, что в годы кризиса это была очень ощутимая, своевременная и, пожалуй, единственная помощь.

Процесс распределения гуманитарной помощи является важной сферой жизни поселка. В этом процессе принимают активное участие лидеры общественных организаций аборигенов.

Созданные за годы Перестройки, в основном в форме Ассоциаций, общественные организации КМНС на местах имеют довольно мало возможностей влиять на нынешнюю социально-политическую ситуацию в национальных селах и в целом коренных народов, и, пожалуй, только в сфере распределения гуманитарной помощи их позиции наиболее весомы.

Вместе с тем, работа ассоциаций в этой области не только демонстрирует узость сферы реального самоуправления в национальных поселках – так называемое «самоуправление» сводится к регулированию и распределению потоков гуманитарной помощи, но и выявляет круг проблем, порождаемых ее. К числу основных вопросов в этой сфере можно отнести:

Отсутствие четких, обоснованных местными условиями, принципов предоставления различных видов гуманитарной помощи, т.к. бытовавший до последнего времени уравнительный («подушный») принцип распределения ее явно устарел, не отвечает сегодняшним реалиям и зачастую дает не положительный, а, скорее, отрицательный результат.

Терминологическая и идеологическая путаница в законодательстве и политике, которая мешает представителям ассоциаций выполнять свои функции, не вызывая недовольства отдельных групп коренных жителей и обвинений в волонтаризме.

Как следствие – определенный рост социальной напряженности в поселках, т.к. «на ходу» создаваемые новые подходы к распределению гуманитарной помощи и задачам, которые с ее помощью должны решаться, далеко не всем жителям понятны и одобрены ими.

Порождаемая самим фактом наличия гарантированной гуманитарной помощи иждивенческая позиция части молодого и деятельного населения, которая ведет к социальной деградации.

Наконец, отсутствие в большинстве вышеперечисленных программ ориентации не на «подкармливание», а на поддержку традиционной деятельности населения.

Проиллюстрируем эти утверждения на примере поселка Фарково.

До недавнего времени гуманитарную помощь в Фарково распределяли поровну между всеми представителями коренного населения или между беднейшими слоями и пенсионерами. Контроль над получением помощи в Туруханске и поступлением ее в поселки был слабым. Люди были недовольны, считали, что многое не доходит до поселка, разворовывается и т.д.

Ныне в поселке распределением на общем собрании занимается поселковая Ассоциация – Совет Старейшин. Нынешний председатель ассоциации лучше информирован о том, какие средства планировалось отправить в поселки, какие поступили и какова «недостача»:

– У нас в совете есть служебная брошюра, где сказано, сколько чего положено поселку по Краевой программе гуманитарной помощи.

Хотя программа действует с 1999 г., реально стали поставлять только в прошлом году – поздней осенью (2000 г.). Ничего хорошего не было, расклад хороший был, а на практике вышло все по-другому. Груз пришел с большой недос-

тачей. У меня есть акт о недостатке. Например, вместо 10 тонн бензина до нас дошло 8,5. Я, когда выберусь в район, буду поднимать все эти вопросы. Я еще раз хочу подчеркнуть, что по Программе многое не выполнено за 2000 г., а в нынешнем 2001 году – нет поставок ни на копейку (ПМА, 2001).

Вокруг распределения «гуманитарки» в поселке складывается особое правовое поле, изобилующее внутренними конфликтами. Если раньше недовольство было направлено на власть в целом и не было персонифицировано, то сейчас его объектом выступает тот самый председатель Совета Старейшин, проводящий свою собственную, [цельную] политику в этой сфере, не всегда одобренную большинством.

– Я хочу поднять вопрос в Туруханске, – говорит он, – о распределении гуманитарной помощи, не знаю, одобрят меня или нет. Почему все время возникает только один вопрос – «как делить»? Почему вместо «мне нужно», «мне необходимо» постоянно слышно: «Дай мне! Я хочу! Ты мне должен!» Человек живет и работает в поселке, держит корову, но говорит «я хочу»!

Я объясняю людям: это целевая программа, в ней в заголовке написано: «для тех, кто занимается традиционными видами деятельности». Не для тех, кто живет в поселке и не по своему роду работы работает — кочегаром или еще кем...

Мы – не социальная служба, мы – общественная организация, но люди мало различают эти понятия (ПМА, 2001).

Председатель организации, таким образом, пытается единолично разобраться в терминологической и идеологической путанице, которая царит в законодательстве и политике в целом по отношению к коренным народам. Что такое «коренной статус», как он связан с землей, с экономической и социальной сферой? Кто является «коренным жителем» и от чего это зависит? Вся неразбериха в этой области нашла отражение в волонтаристской регуляции потока гуманитарной помощи в Фарково, когда председатель Совета Старейшин «исключил» из числа коренных жителей всех, кто не занимается охотой и рыбалкой.

У многих представителей КМНС сложилось негативное отношение к гуманитарной помощи вообще. Они считают, что она развращает человека, унижает его человеческое достоинство. Помощь должна быть поддержкой, стимулировать самостоятельное развитие, а не сводиться к бесплатным подачкам.

– Если сейчас помощь придет, то каждый будет думать о себе, никакой отдачи уже не будет. Ее надо очень грамотно раздавать. Но наш самый страшный бич – это пьянство. Я за всех отвечу, что я эту помощь пропью (ПМА, 2001).

– На общем собрании мы так решили: если человеку нужен мотор «Ветерок», то он потом 50% стоимости возвращает. Тогда он поймет, что ему не просто так дали, а для работы, потому что он сам не может купить и кредит ему никто не даст. Вот в течение 2-3 лет, будь добр, покрой эту сумму. Все согласились. Лодки, как дорогостоящие, мы оценили в 15%, а остальные материалы в 50%. Потом эти деньги пойдут на ту же закупку. Если хотя бы 5 человек отдадут, мы еще десяти сможем помочь (ПМА, 2001).

Но есть и категория людей, уже привыкшая и к гуманитарной помощи, и к прежним формам ее распределения – всем поровну, бесплатно и понемногу. В условиях, когда поток гуманитарной помощи довольно постоянен, эти люди строят, ориентируясь на ее получение, свою жизненную стратегию. Эта часть людей выражает резкое несогласие с позицией председателя Совета Старейшин.

– Знаем мы, как они делили. Собрались, поделили между своими и разошлись.

Это не дело!

– Почему он (председатель. – А. К.) себе тоже выделил? У нас вон пенсионеры – им помогать надо (ПМА, 2001; следует заметить, что председатель – тоже пенсионер. – А. К.).

Даже те, кто получил, недовольны решением, согласно которому надо частично оплачивать полученные материалы.

С одной стороны, хотя и по вполне понятным мотивам, но подход председателя Совета Старейшин Фарково к распределению гуманитарной помощи дополнительно усложняет положение в поселке. При нынешней ситуации с распределением земли, когда не ясно, кого считать охотником и по каким признакам, при сезонности промысла, не вполне понятно, почему на средства для ведения промысла не может претендовать селькуп-кочегар? С другой стороны – это попытка уже на месте, более жестко, адресовать выделяемую помощь, чтобы она более действенно способствовала улучшению положения коренного населения.

Дело в том, что движение гуманитарной помощи внутри поселка не ограничивается этапом ее распределения через Ассоциацию. Вслед за получением ее коренными жителями часто начинается этап перераспределения, проще говоря, перепродажи полученных средств. Эти средства могут быть проданы за деньги, отданы в обмен на бутылку водки или уплачены в счет погашения долга. Они оказываются в руках более сметливых и ловких жителей поселка, как коренных, так и «приезжих». В связи с этим, когда председатель стремится придать гуманитарной помощи форму кредита – предоставляет ее с условием

частичной оплаты в рассрочку, он пытается закрепить полученные средства за людьми и иметь какую-то минимальную гарантию их правильного использования.

Здесь тоже, как правило, возникают дополнительные вопросы о статусе получателей помощи. Многие коренные жители считают, что те представители пришлого населения, которые давно живут среди коренных и ведут такой же образ жизни, также должны получить право на дополнительную помощь.

Из всех видов гуманитарной помощи только Целевую краевую программу можно считать ориентированной на поддержку традиционного образа жизни, и, в частности, охотников. Но и она направлена только на решение вопросов снабжения охотников орудиями труда. Нет ни одного государственного или частного трансферта, направленного на поддержку не столько формально «традиционного» образа жизни, сколько образа жизни коренных охотников и рыбаков в современных условиях. В этих условиях традиционный промысел более всего нуждается, например, в содействии формированию каналов сбыта его продукции.

Эти условия предполагают также, что современной реальностью для коренного населения является жизнь в поселке.

Ситуация в поселке во многом входит в противоречие с традиционалистской риторикой государственного законодательства и политики по отношению к коренным народам. Она серьезно корректирует официальный статус коренного сообщества и в отношении доступа к природным ресурсам, и в отношении к проблемам организации самоуправления жизни аборигенов на местах.

В заключение я хотел бы обратить внимание на то, что особые сложности возникают в части изучения экономики национальных сел. Официальные и неофициальные потоки финансовых и иных материальных трансфертов, например, гуманитарной помощи, трудно поддаются выявлению и требуют на каждом этапе новых подходов и разработки нового методического инструментария. Все это говорит о необходимости дальнейших полевых исследований, т. к. многие материалы возможно получить только при личных контактах.

¹ См. напр.: *Вигет Э.* Экономика и традиционное землепользование восточных хантов // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 1999; *Гулевский А.Н.* Традиционные представления о собственности тундровых оленеводов России (кон. XIX - XX век). М., 1993; *Карлов В.В.* Народности Севера Сибири: особенности воспроизводства и альтернатива развития // СЭ. 1991. №5. С.3-16; От патернализма к партнерству. Магадан, 1998; *Соколова З.П.* Народы Севера: выживание в условиях рыночной экономи-

ки // Социально-экономическое и культурное развитие народов Севера и Сибири: традиции и современность. М., 1995.

² См.: Андерсон Д.Дж. Тундровики. Новосибирск, 1998; Джеймс Скотт Моральная экономика деревни // Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999; Ziker J. Land Use and Economic Change among the Dolgan and the Nganasan // People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia, Vol. 1. В., 2002. Рр. 191-208; Ziker J. Assigned Territories, Family/Clan/Communal Holdings, and Common-Pool Resources in the Taimyr Autonomous Region, Northern Russia // Human Ecology, 2003 ???; **Нужна ссылка на Хемфри**

³ Исследования проводились зимой 1999/2000 гг. в пос. Бор, Суломай, Сургутиха и в г. Туруханске Туруханского района Красноярского края у кетов, северных селькупов (далее – ПМА, 1999/2000) и летом 2001 г. в пос. Фарково, Ст. Туруханск и в г. Туруханске Туруханского района Красноярского Края у северных селькупов и кетов (далее – ПМА, 2001).

⁴ См. напр.: *Пелих Г.И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972; *Она же.* Селькупы XVII в. (Очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981; *Лебедев В.В.* Формирование и этнокультурная история северных селькупов. Кандидатская диссертация (рукопись). М., 1988. Архив ИЭА РАН; **Долгих Б.О. Родовой и племенной состав...**; *Головнев А.В.* Говорящие культуры. Екатеринбург, 1995.

⁵ *Лебедев В.В.* Указ. соч. С. 31.

⁶ Там же. С. 36.

⁷ Там же. См. также: *Долгих Б.О.* Указ. соч.

⁸ Там же. С. 46. **Где именно «там же»? У Лебедева или у Долгих?**

⁹ **См. напр.: Лебедев В.В. Указ. соч. Пелих... Алексеенко ...**

¹⁰ *Стракач Ю.Б.* Население Енисейского Севера // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск, 1981. **С.**

¹¹ При этом совхоз «Тунгусский» продолжает свое существование. Не все отделения были согласны на акционирование, например, председатель Старо-Туруханского отделения принципиально и последовательно отстаивает политику неакционирования (ПМА, 2001).

¹² Из доклада на Хатангской конференции. **Чей доклад? Где опубликован?**

¹³ Хохлов А.С. 1998-2001. **Что это за сноска?**